

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ЮРИЯ РЫЛЬНИКОВА

Федор ЛЕВИН

1.

Владимир Тендряков, как никто другой из советских писателей, напряженно размышляет над проблемами религии и атеизма, вводит сложные поиски ответов на вопросы, которые уже многие тысячелетия являются предметом споров между наукой и верой. Этим проблемам он посвятил не одно произведение, причем в каждом следующем стремился идти вглубь, расширять диапазон полемики.

В «Чудотворной» речь шла о находке иконы, когда-то спрятанной при закрытии церкви. Находка эта оживила религиозные настроения невежественных стариков и старух. В «Чрезвычайном» перед нами предстало более сложное явление: внезапно оказалось, что десятиклассница, дочь партийного работника Тося Лубкова вдруг уверовала в бога, верующим оказался и учитель Морщихин, преподаватель математики. В спор с ними пришлось вступить уже всерьез директору школы, коммунисту, который и ведет рассказ об этом.

Оставаясь художником, мастером слова, создавая живописные образы, В. Тендряков сосредоточил свое главное внимание на философской полемике, на вопросах нравственных. Он не хочет идти легким путем. Проще всего изображать верующих людей невежественными, малограмотными, тупыми, а их пастырей — сознательными обманщиками, сластолюбцами, стяжателями, людьми с преступным прошлым и таким же настоящим и т. д. Не сбавляя столь элементарным разоблачительством, В. Тендряков старается предоставить обеим борющимся сторонам возможность полностью развернуть свою аргументацию (хотя ему не всегда удается удержаться на высоте такой позиции и в конце концов он развенчивает и Тосю Лубкову, и Морщихина средствами, лежащими вне существа полемики: Тося вышла замуж и моментально перестала верить в бога, поскольку ее вера родилась только из ее одиночества, из равнодушия или грубости окружающих и чувства своей неполноценности, а Морщихин, которому уже не надо скрывать свою веру, тут же превратился в сытенного проповедника и утешителя и приобрел «друга дома» — пьяницу и бездельника).

В. Тендряков. «Апостольская командировка». «Наука и религия». № 8, 9, 10. 1969.

Но с наибольшей полнотой исследует В. Тендряков вопросы религии и атеизма, веры и науки в повести «Апостольская командировка».

Здесь рассказ ведется также от первого лица, по сей час этим первым лицом-повествователем выступает не коммунист, директор школы, а сам верующий, и не какой-нибудь необразованный, темный, вроде бабки Родьки Гуляева из «Чудотворной», не обиженная своими невзгодами Тося Лубкова, не сельский учитель, не священник отец Дмитрий, а молодой человек с высшим образованием, физик, заведующий отделом научно-популярного столичного журнала, имеющий любимую жену и дочку, достигший немалого материального благополучия, — Юрий Андреевич Рыльников. Он сам рассказывает нам о том, как он поверил в бога и как потом, через несколько месяцев, разобрался во всем, разуверился, понял ложность и вред религии и возвратился домой в Москву, к семье.

Сознаюсь, что вся эта история в сопоставлении с реальной жизнью, окружающей нас, показалась мне несколько искусственной, придуманной, чтобы во всей наглядности продемонстрировать и религиозную идеологию, и ее опровержение. Правда, нам известно, что и в прошлом, и теперь были и есть верующие люди не только в среде неграмотных дедов и бабок. Известный астрофизик Вильям Крукс увлеклся спиритизмом и вертел блюдечки. Можно вспомнить и других ученых, веровавших в бога, хотя в своих научных объяснениях мира и его явлений они не отводили богу ни малейшего места. Я готов допустить, что Юрий Рыльников в силу самых разных причин мог кинуться в объятия религии, но мне думается, что тогда бы он не столь быстро и легко с нею расстался.

Я невольно вспомнил, что в «Чрезвычайном» чета учителей Тропниковых с целью опровержения религии вносила своеобразное предложение. «Учитель, принявший обличье попа, и ученики встретятся на глазах всей школы. Это будет не столько диспут или поединок, сколько игра. Не война, а маневры. Однако игра должна идти

всерьез». Предложение это не было принято педагогическим советом, но сдается, что именно его осуществил В. Тендряков в «Апостольской командировке». А посему попытаемся принять «страдания молодого»... не Вертера, а Юрия Рыльникова всерьез, примем его обращение к богу и затем возвращаемся на позиции науки и атеизма, его путешествие из Москвы в Красноглинку и обратно как маневры, как игру и подчинимся ее правилам. Но раз так, то продолжим игру и пригласим ее участников за «круглый стол».

2.

Приглашенные явились, где-то в стороне сел и автор повести, и мы начинаем разговор.

Начнем с Юрия Рыльникова, попросим его объяснить, как дошел он до жизни такой.

«Что называется, я обрел благополучие, а вместе с ним терял себя, перестал испытывать сильные желания, радоваться и огорчаться, стало как-то суетно.

Благополучие... А, собственно, что это такое? Глупо объяснять его в рублях и копейках. Не обязательно владелец «москвича» благополучней владельца велосипеда».

И далее:

«Благополучие — еще не счастье, а только гарантия, что хуже не будет. Не кривая, ползущая вверх, а ровная линия».

Позвольте вмешаться, Юрий Андреевич. Конечно, благополучие и счастье — разные понятия. Если благополучие означает отсутствие бед и страданий, а также некоторый комплекс материальных благ, то счастье нечто гораздо более многообразное и, добавим, противоречивое. Человек может быть счастливым, жертвуя своим благополучием, жизнью ради любимого, близкого, родного существа, ради отечества, ради человечества, ради высокой цели. Но не будем пренебрегать благополучием, особенно не своим, а других людей, оно также не нужно. Мысль о том, что владелец «москвича» не обязательно благополучней владельца велосипеда, можно продолжить. Владелец велосипеда не обязательно благополучней владельца только пары своих ног, человек, имеющий квартиру, не обязательно благополучней бездомного, богач не обязательно благополучней бедняка, «а мне за песни и за сон не надобен и миллион», — согласитесь, что все это довольно удобная философия для богатых, дабы обманно утешать бед-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПОРЫ — И РАЗМЫШЛЕНИЯ

них. Нет уж, со своим благополучием вы как хотите, но не иронизируйте над желанием других людей достичь элементарного благополучия. Миллионы и миллионы людей на земном шаре попросту недоедают, попросту голодают, Юрий Андреевич. Стоит об этом подумать. Жюль Ренар в своем дневнике 28 апреля 1905 года записал: «Возможно, река перестала бы течь, узкая она, что ручеек пересох; человек спокойно ест среди других людей, подыхающих с голоду». Надеюсь, у вас нет охоты быть таким спокойным едоком?

Впрочем, вы, вероятно, имели в виду нечто иное. Когда вы говорили, что благополучие — еще не счастье, вы хотели сказать, что человек выше сытости, что если он лично достигнет материального достатка и удовлетворится этим, то превратится в торжествующую свинью, в того самого встреченного вами в поезде плотно събитого человека с мясисто-красным губастым лицом, который блистал полным отсутствием воображения, полагал, что он лучше и умнее всех, никогда не ошибается и что у него «глаз, что ватерпас, осечки не дает». Конечно, какой уж идеал это самовлюбленное мешанское благополучие! Но вы, Юрий Андреевич, рассуждаете неточно, ваша мысль соскальзывает порой не в ту сторону.

Но пойдём далее. Что вы еще хотите сказать?

«Из черного небытия каких-то тридцать два года тому назад выскочил тот, кого называли Юрием Андреевичем Рыльниковым, пройдет еще столько же — и снова черное небытие.»

Я во Вселенной!
Я появился — свершившийся факт.
А для чего?

Мое «Я», нан и «Я» миллиардов других, закончится малким холмиком земли.

И это так же неоспоримо, как и то, что в данный момент я существую.

Жалкий, бессмысленный холмик земли. Для него живу, и нему иду, не промахнусь — там исчезну.

Конечная цель — могила!
В бескрайней Вселенной нет ничего бессмысленней меня.»

И дальше:

«...вопиюще простой, очевидный до ужаса вопрос: для чего, собственно, мы?..» «Какая конечная цель? Каков смысл жизни?»

Позвольте сказать вам, Юрий Андреевич, что ваш вопрос неправилен. Более того, поставленный таким образом, он обязательно предполагает в ответе признание бога. Одно дело — причинность, цепь причин, следствий, связей и взаимоотношений. Цели же могут ставить перед собой лишь сознательные существа. Как только вы ставите вопрос о конечной цели, предначертанной человечеству свыше, вы приходите к высшему существу, богу, как бы он в дальнейшем ни назывался. И если «конечная цель — могила», то ваш бог — смерть и вы «смертебожник». Не от знания пришли вы к вере, а от страха. От страха перед своей смертью, от страха перед атомной и водородной бомбой, от страха перед неизвестностью, перед неведомым. А смысл жизни состоит в самой жизни человечества, как данности.

Было ли начало мира?
Будет ли его конец?

Странно, когда такие вопросы задает человек, изучавший физику, астрономию... Конечно, нелегко понять и представить себе бесконечность материи. Впрочем, еще труднее представить себе ее начало и конец. «Гипотеза» бога снимает необходимость размышления, познания закономерностей мира. Она все объясняет, ничего не объясняет. Она избавляет от труда размышления, от самостоятельности, атрофирует пылкость разума, ведет к пассивности и покорности «воле божьей». «Он» все знает: для чего я родился, для чего живу. «...Это не мои вопросы, не мне их решать». Вы избавились от вопросов, передоверив богу их решение, переадресовав их, но не решив. В конце концов это и есть бессмыслица.

Впрочем, что я говорю это вам! Ведь вы сами пришли к таким выводам, играя по правилам затейливой игры. Вы отказались от жизни таракана, хотя он существует

уже триста миллионов лет. Вы отвергли «свирепую», фанатичную веру сестры Аннушки, веру-дубишку, языческую веру. Вы, конечно, отвергли и веру отца Владимира, его «наивное бездумие», слепую «нистошную веру» в бога, Ветхий завет и Новый завет, установления вселенских соборов, писания «святых отцов», веру, не требующую доказательств (на то она и вера), не допускающую сомнений, не оставляющую места мысли (на то она и вера). Вы поняли, что вера — «золотой сон», вера—сказка, вера—мираж, это признание, что жизнь несносна, невыносима и ее не переделать. И тогда не все ли равно, чем человек будет себя утешать и одурманивать: богом, водкой, самогоном или наркотиками? Вы поняли, что к согласию через веру люди не придут, а придут «только к обоюдному неверию, только к злобным непримиримым сварам» — креститься двуперстием или трехперстием, считать, что дух святой исходит только от отца или также и от сына божия и т. д. и т. п. Вы усвоили, что «нищие духом да еще безобидные» — идеал для узурпатора», что тетка Дусе «с опустым» религии жить легче, но «легкая жизнь не есть жизнь достойная». «Напротив, за возможность легко прожить и продается обычно человеческое достоинство». Вы пришли наконец к выводу, что «любая вера — глупость. А в наш сложный век глупость уже не просто изъян, сегодня глупость безнравственна». Затмение ваше кончилось, вы увидели, что смысл жизни человека в том, что он частица человечества, оно необходимо ему, а он нужен ему, и «если не нужен, тогда жизнь теряет смысл».

Но!

Это «но» состоит в том, что вы, Юрий Андреевич, поставили больше вопросов, чем дали ответов. То ли вам надоела игра, но с обратной метаморфозой вы как-то поспешили. Не думаю, что встречи с отцом Владимиром, сестрой Аннушкой, тетей Дусей, у которой вы жили, споры с предколхоза Густеринным, нашим председателем сельсовета Ушаткова, лекция антирелигиозника Лебедево убедили вас. Вы все-таки остались при мысли, что «сытые столь же не защищены от несчастий, как и голодные». Вы говорите, что религия учит: «Люби ближнего твоего...» А насчет любви наука слаба».

(Окончание на 15-й стр.)

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО

ЮРИЯ РЫЛЬНИКОВА

(Окончание. Начало на 8—9-й стр.)

А как вы решили вопрос о том, почему люди жертвуют собой, горят на кострах во имя идей, во имя человечества, а не плюют на потомство?

Как вы ответили на вопросы о начале и конце мира? Как вы ответили на вопрос о пользе разума, изобретшего такие бомбы, такое химическое, бактериологическое и прочее оружие, которое угрожает в случае войны уничтожить все живое на земле, превратить ее в мертвую планету? Вы сомневались в обязательности нравственных законов, установленных людьми, ведь люди способны ошибаться, другое дело законы от бога, их будешь исполнять. Как с этим теперь?

Не могу не упрекнуть вас, Юрий Андреевич, в том, что вы в споре с Лебедко прибегли к демагогическому приему, к подмене понятий: когда зашла речь о бессмертии души, вы заявили, что душа бессмертна, и стали доказывать это тем, что продолжайте жить и влиять на людей стихи, написанные полтора-два и больше лет назад; что люди пользуются колесом, изобретенным много тысяч лет назад; человек, впервые придумавший колесо, неизвестен, а «душа» его живет. Ну разве же то, что вы сказали, имеет что-либо общее с религиозным представлением о душе, покидающей тело умершего, о вечной жизни души? Не странно ли, что Лебедко растерялся и не сумел вам возразить? Я вижу, вы смутились, товарищ Лебедко. Как же вас, старого воробья, Юрий Андреевич на такой мякине провел?

3.

Позвольте обратиться теперь к вам, Валентин Потапович Густерин, с несколькими словами. Мне понравилось, как вы объяснили Рыльникову, что могила не конечная цель, что такая цель «не определяет смысла», а в них смысл заложен.

Но вы удивили меня, Валентин Потапович, когда пригласили Юрия Андреевича остаться в деревне, потому что он нужен вам, как «запал». Вы, мол, человек думающий, Юрий Андреевич, с независимым характером, а вот молодые колхозники «людьми почему-то себя не чувствуют». Не потому ли, что не думают, в привычке

у всех быть исполнительными солдатами». За них-де все говорит, все решает, обо всем думает Валентин Потапович. «И для самого Валентина Потаповича это крах — кусок хлеба дал, а сверх того — не в силах...».

Да и взрослый колхозник якобы «перестал возражать, а одно соображать и чем-либо интересоваться... пусть у начальства голова болит... Окаменели, не уколупнешь, взорвать нужно. Нужен запал...».

Вот уж не поверю, чтоб вы, Валентин Потапович, восмечтали о возражениях. Если уж вы в своем колхозе людей до такого равнодушия довели, что они у вас солдатами стали, можно представить себе, с какой свирепостью вы ими командовали. А теперь взвыли: окаменели, не уколупнешь. Да полно, так ли уж окаменели? Да и гонится ли Юрий Андреевич на запал? Своей блажью с религиозной ои, как говорится, авторитет свой немалое подорвал.

Вы, Михаил Ушатков, конечно, грубо администрируете. В этом смысле вы — родной братец Лубкова из «Чрезвычайного»: тот тоже рвал и метал против верующего учителя математики Моршихина, требовал уволить его, вопреки закону, и, кстати сказать, добился этого.

Администрированием и нарушениями закона можно добиться только одного: люди будут скрывать, что они верят в бога, чтобы не подвергнуться репрессиям со стороны Лубковых да Ушатковых. Но, Валентин Потапович, когда Ушатков спрашивает вас: «Против распоясавшегося хулигана можно силу оружия, а против идейно распоясавшегося врага — нет?», — правда-то на его стороне.

Религиозная пропаганда запрещена у нас законом. Пропаганда войны запрещена у нас законом. Нарушители этих законов подлежат суду. А вы, Валентин Потапович, предлагаете: «Сокруши его взгляды своими. Не можешь, к палке потянулся? Ну, тогда, Ушатков, признай уж прямо — не сильные мои взгляды, насуя, банкрот я идеологический». Простите, неправильно вы рассуждаете. Закон запрещает Юрию Андреевичу пропагандировать религиозные воззрения, а не предлагает дискутировать с ним. Тут Ушатков вправе назвать вас либералом. Вы слишком разошлись, называя Лебедко «пораженцем» и даже «врагом» за то, что он считает нужным «попридержаться» Рыльниково. И уж совсем нелепа с вашей стороны попытка сослаться на... Ленина. Владимир Ильич писал, что «умный идеализм ближе умному материализму, чем глупый материализм». Вы процитировали эти слова, но вы же не поняли, о чем идет речь. Разве о религии? Разве об идеалистическом объяснении природы, общества, мышления? Нет, речь идет о том, что «умные идеалисты» открыли диалектику, хотя и в мистифицированной форме, в поставленном на голову виде. Метафизический, механистический ма-

териализм не знал диалектики. Вот в чем дело. А как вы эту цитату повернули?!

Как горят на радио и телевидении, время наше истекло и «круглый стол» придется закрыть, хотя и не все вопросы исчерпаны.

4.

Читатель, конечно, уже понял, что разговор с персонажами — это и разговор с их создателем. Если заблуждения и метания Рыльникова раскрыты перед нами полно и его вопросы поставлены остро — это заслуга писателя. Если же прозрение Рыльникова и опровержение его взглядов менее убедительны и скромны — тут слабника автора. Если Густерин то тут, то там допускает ошибки и промахи, то их тоже надо отнести на счет автора, тем более что именно Густерин ближе всего к авторской позиции — и это можно понять еще и потому, что он двойник другого героя — директора школы из «Чрезвычайного», коммуниста Махотина, также близкого сердцу писателя. И если сравнить рассуждения Махотина и Густерина, в них окажется много общего. И даже отношение Махотина к верующему Моршихину и отношение Густерина к Рыльникову по сути одинаковы, и схватка Густерина с Ушатковым как бы вариант схватки Махотина с Лубковым: и там, и тут требование не администрировать, побеждать в споре, а не хвататься за палку, развязывать гордые узлы, а не рубить его.

Но просчеты и ошибки автора не должны заслонять от нас его тревоги о том, что иные люди обращаются к религии, его размышлений над тем, как образуется «вакуум» в душе, куда проникает вера, как на почве науки и разума выработалась и укрепилась в людях высокий нравственный идеал. Речь идет о духовной атмосфере нашего социалистического общества, о взаимоотношениях людей. Как сделать, чтоб не было обмана, лицемерия, равнодушия, эгоизма, душевной грубости, чтоб никто не ощущал себя одиноком, беззащитным? Как добиться, чтоб люди чувствовали себя действительно в человеческом коллективе, а не в конгломерате, чтобы не было у них мешанского культа вещей? «Живи, чтобы жить!» Если сделать эту формулу своим руководящим принципом, то тогда «все вцепятся в глотку друг другу», говорит писатель, и он прав. Жизнь осмысленно, думать, искать, биться ради высоких идей — только такая жизнь достойна человека. Без идей, без духовных устремлений человек превращается в мешанина, смысл его жизни сводится к бессмысленному накопительству вещей, которые в могилу с собой не возьмешь, в аморальное животное существование, в судорожную суету, проникнутое страхом неизбежной смерти. Вот позиция В. Тендрякова, которой продиктованы его поиски, — значение их неоспоримо при всех слабостях и неудачах повести «Апостольская командировка».